

ПОКА РЕШАЕТ ТРЕТЬЯ ПАРКА.

Странички дневника.

Вместо предисловия.

Сегодня 23 ноября. Ровно через месяц, 24 декабря 2006 года мне исполнится 54. Ну, и что? Дата не круглая (да хоть бы и юбилей), стоит ли мараить бумагу по этому поводу? Нет, конечно, и не делал бы я этого никогда, если бы ни одно интереснейшее обстоятельство. Суть его изложена в книге, которую многие и читать бы не стали, но я прочел уже давно и много лет жду момента, описанного в ней, с нетерпением. А написано в ней следующее: **«Козерог. Стихия: Земля. Планеты-покровители: Сатурн, Марс. В конце жизни приходит долгожданный успех, после 54 лет своё блестящее завершение получает творчество. Удивительный зимний закат солнца».**

Да, это «заключительный акт» моего гороскопа! И появилась шальная идея: за месяц до «начала конца» описать свои мысли и чувства. Можно было бы так и назвать мой небольшой дневник – «Удивительный зимний закат солнца». Печально, красиво, скромно! Ха-ха! Но буду сдержан, тем более что это не художественное произведение (так, заметки, не говоря о стихах, конечно), да и вести этот дневник я собираюсь всего один месяц (как будто двадцать четвёртого, действительно, всё кончится или, наоборот, – что-то начнется!) Впрочем, нельзя забывать о том, что это будет всё-таки не обычный день, а канун Рождества! Значит, можно надеяться и на сказку!?

Сказка... А реально – я впервые в жизни решился на столь рискованный для себя шаг: на старость лет вывернуть душу наизнанку. Для чего, спрашивается, для кого? Да, для себя самого. Для Неё (расскажу и о Ней). Для тех, кому просто будет интересно узнать о том, что думает о себе, людях живущих рядом, своей стране, любви (счастливой и не очень) человек, оказавшийся «на крутом вираже»?

На многие вопросы мне придётся ответить, и, прежде всего, себе. Например: в чём смысл жизни человека, пишущего почти никому теперь не нужные стихи о любви, сочиняющего песни не похожие на шлягеры и редактирующего толстый литературный журнал, который читают уже только самые просвещенные. А их, увы, становится все меньше и меньше!

Нет, не жалею, сам сражен наповал цифрами и фактами. Оказывается, самым читаемым писателем великой некогда державы в 21 веке стала небезызвестная нынче Дарья Донцова, а самым нечитаемым – Антон Павлович Чехов... Об этом несколько дней назад (я только что вернулся из Нижнего Новгорода) сообщил нам, участникам Форума творческой интеллигенции Поволжья, представитель Президента господин Коновалов. Сидящий рядом Никита Михалков тяжело вздохнул и с сожалением, когда ему дали слово, сообщил, что «пробить» национальную программу по развитию и поддержке культуры не удалось. Не у-да-лось! Зал содрогнулся: не удалось даже тому, к кому в день именин Президент приезжает выпить домашней наливки! Плохи наши дела, брат, плохи.

Пожалуй, так и я – провинциальный поэт, действительно, могу показаться фигурой значительной. И не мудрено: читать, ценить и понимать прочитанное вскоре будет просто некому, а стройные рифмованные строки с неким тайным смыслом почти любому мало-мальски грамотному обывателю будут казаться примером высочайшего искусства. Возрадоваться бы, да горько на душе, горько... Когда на душе горько, пишу стихи.

Ветер дунул, ветер грянул,
Листья – наземь. Холода.
Старый дуб – и тот, как пьяный,
Так, куда уж нам, куда?

Пропадём ли, устоим ли
В этой страшной кутерьме?
Стонут листья, нам бы с ними,
Нам бы к ним – тебе и мне.

Их так много, им не страшно:
На миру и смерть красна...
Да, куда уж в ряд калашный
После горького вина?

Жил я волком-одиночкой,
Так и сгину, не ищи.
Не ходи к оврагу ночью,
Не аукай, не свищи.

Сядь к окошку, песню вспомни,
До утра не жги огня...
Голос старенькой гармонии
Всё расскажет про меня.

Но вернусь к забытому Чехову: это вовсе не преувеличение, как кажется на первый взгляд. Молодёжь Чехова не знает! Недавно, читая лекцию о важности звука и звукоряда в передачах радио и телевидения (слушатели – студенты третьего курса Пензенского Государственного университета), припомнил ремарку Чехова в «Вишнёвом саде». Помните – звук лопнувшей струны? Какую тревогу вызывает эта эмоциональная подсказка классика, как начинает ныть и болеть сердце, когда представишь, услышишь внутренним слухом этот звук, каким содержанием наполняется пауза в действии пьесы... Студенты – будущие журналисты и специалисты по связям с общественностью, представление о Чехове, как оказалось, имеют, самые смутные. Впрочем, дай бог, ошибаюсь. Да и не их это вина, наша!

Кстати, завтра – День чтения. В Пензенской областной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова пройдут серьёзные акции. В самый раз задать и себе, и молодым людям, и властям волнующие нас вопросы. Не поздно ли?

24 ноября.

Сегодняшний день в России был объявлен Днём чтения! Провели. Библиотекари потратили уйму сил, задействовали десятки специалистов. Кстати, средства массовой информации акцию библиотеки имени Лермонтова должным образом не поддержали. «По делам их узнаете их». Больше говорить ничего не буду, хватит слов! Понял, что надеяться можно только на себя и своих единомышленников. Нам не привыкать! Вот только так Россию от невежества не спасёшь. Только близких людей. Ну, что же, спасём, кого сможем.

Однако и без этого нынешней осенью голова идёт кругом: неловко говорить об этом, но... я влюблён! Влюблён, как мальчишка, как несчастный студентик. Боже мой, сколько раз это уже происходило со мной. А сердце, так же как 40 лет назад (страшно и цифры-то такие писать), рвется на части. Впрочем, не уверен, что это влюбленность. Может быть – восхищение молодостью, свежестью, задором, красотой!? Тем не менее, я в плену Её чар! Третий месяц кряду пишу стихи, третий месяц не выпускаю из рук гитары.

С Ч А С Т Ь Е ! Спасибо судьбе за то, что этой осенью возвратила мне лучшие, самые светлые и самые сладкие человеческие чувства. Кто знает, может быть, в последний раз...

А назвать эту осень захотелось Катериной. У Давида Самойлова Катериной звалась зима: «Еленою звалась зима, и Марфою, и Катериной...» А мне кажется, имя Катерина больше подходит для осени! Сразу представляю узорную, вышитую золотыми листьями шаль, спадающую с плеч молодой стройной женщины... Вот, хочется мне эту осень 2006-ого года назвать Катериной, и все тут! А вот и стихи про осень Катерину, которые исполняются с гитарой.

Здравствуй осень моя, Катерина,
Чудо-девица в гроздьях рябин.
Вечер ветреный гроздья рябины
Променяет на солнца рубин.

Но не я: прикоснусь к ним губами,
Как душою к тебе прикоснусь.
Желтый лист пролетит между нами –
Ну, и пусть, ну, и пусть, ну, и пусть...

Здравствуй осень моя молодая,
Лета краше ты, вёсен смелей.
Духом терпким твоим обладая,

Забываю притворства елей.

Только дым костерка с горьким вкусом,
Только яблока спелого дух
Так подходят к рябиновым бусам,
Так пьянят обострившийся слух.

Здравствуй осень моя, быть ли новой?
Сон неведомый, дашь ли ответ?
Перелесок мне лапой кленовой
Заслоняет рябиновый свет.

Ах, наивные лапы да ветви,
Листья ваши опали уже.
Только свет той рябины приветный
Огоньком прописался в душе!

Нет, не врут гороскопы. Не врут. Конечно, то, что передают утром многочисленные телеканалы, – чушь собачья. Это мнение не моё, Президента Международной ассоциации астрологов. Так что, завтракаем спокойно! Но долгосрочные прогнозы и тенденции, основанные на серьезном изучении обстоятельств: места и времени твоего рождения, твоей судьбы, твоей жизни... Вот, в отношении меня многое подтверждается, проверено годами. Наука – это ведь то, что изучает и обобщает факты, делает выводы. А если фактам этим, наблюдениям (составлению гороскопов) пять тысяч лет? Разве это не наука, разве нельзя этому доверять?

Впрочем, я не об этом. Я влюблён! Влю-бил-ся! Написал вот так, по слогам и понял, что слог «бил» предрекает мне что-то не очень хорошее. Какие-то трудности «в сфере семейных отношений». Ну, а что вы хотели, мне через месяц – 54, а я... Господи, помилуй!

Кто Она? Да, это и не так важно: все равно моя влюбленность не изменит ее судьбу. Никогда не решусь даже на попытку что-либо предпринять. В этом смысле, 53-летний мужчина, влюблённый в молодую женщину, похож на 14-летнего мальчика, питающего страсть к женщине зрелой: и тот, и другой боятся признания и никогда, пожалуй, на него не решатся. Моя любовь изменит только меня! Уже изменила! Однако, если честно – я многое мог бы дать Ей. Ведь не самый плохой и никчемный я человек. Да, объективно это так. Но разве можно вот так запросто, хладнокровно об этом рассуждать? Я влюбился – значит, болен. Значит – потерял голову. Значит – со мной беда! Ой, ли?

Интересно, как все это выглядит со стороны? Должно быть, очень смешно. Оч. смешно! Так говорит Она. Так пишет мне в эсэмэсках (общение исключительно дружеское). И посылает рожицу с улыбкой. Свою влюбленность я скрываю, а Её готов всячески оберегать от ненужных вопросов и косых взглядов. Таким рыцарем я себя представляю. Впрочем, ни

того, ни другого (ни вопросов, ни взглядов) нет и быть не может, потому что никто о моей влюблённости не знает. И Она тоже. Стараюсь общаться с Ней, как со всеми остальными. Так мне кажется... Хотя... Если послушать мои новые песни и стихи, конечно, можно обо всем догадаться. Но кто их слушает? Во всяком случае, с этой целью. Песня – это, как и любое художественное произведение, фантазия! Там нет меня и нет Её. Там есть лирические герои. Там все придумано. Всё, всё, всё! Кроме боли моего сердца...

Если нет тебя рядом,
То сердце болит нестерпимо.
Всё мне кажется адом,
Всё крахом Великого Рима.

Нет ни слов, ни мелодий,
Ни мира, ни в драке победы.
Не грешили мы вроде,
Откуда же вдруг эти беды?

Почему крови голос
Срывается, в горле клокочет?
Почему спелый колос
Любви дать зерно нам не хочет?

Нет ответа, ну, что же,
Бывает такое, бывает.
Злой мороз уничтожит
Неубранный клин. Пруд задраит.

Станет осени ядом,
Поминками прошлому лету...
Вот и нет тебя рядом,
А сердце всё жаждет ответа

На простые вопросы,
Да так же болит нестерпимо...
Будто это не осень,
А гибель Великого Рима.

А работать всё равно надо. И честно, и с энтузиазмом (совсем не модное теперь слово), и по-новому! Сегодня сдал в печать шестой номер литературного журнала «Сура», который имею честь редактировать уже четвертый год. Радость! Пушкин в декабре 1836 года в коротком письме Одоевскому: «Вот Вам декабрь». Это о декабрьской книжке «Современника». Радость эта мне так понятна! Теперь вся жизнь моя связана

с изданием литературного журнала, и я очень этому рад. Через месяц надеюсь так же выкрикнуть «Вот вам декабрь!» А читать письма Пушкина – моя многолетняя привычка. До 37 лет читал письма Пушкина-ровесника. Мне 25, и у Пушкина открываю письма 1824 года... Особенно люблю письма тридцатого года, когда поэт был «оганчарован». Кстати, именно в них Александр Сергеевич упоминает о Пензе. У меня даже песня есть с таким названием: «Письма 30-ого года». Ну, а теперь уж читаю бессистемно, но по-прежнему постоянно!

Время неумолимо, и уже кажется, что сто лет назад я громко хлопнул дверью Пензенской студии телевидения, где проработал ни много, ни мало двадцать семь лет. Дослужился до главного редактора авторских программ, стал лауреатом многочисленных фестивалей и конкурсов. А достучаться до здравого смысла чиновников так и не смог. Ничего не помогло. Даже слушать не стали. Ни в телерадиокомпании, ни в Правительстве области. Таковы, мол, обстоятельства! Что же это за обстоятельства такие, при которых закрывают просветительские передачи: «Пензенскую энциклопедию», «Тарханы» с Тамарой Мельниковой», «Новый ковчег», «Семейное чтение». Канал «Культура» демонстрировал их всей России, а тут – обстоятельства. Хлопнул дверью и ушел. В никуда. Целое лето сидел дома. К счастью, предложили место главного редактора литературного журнала «Сура». Сначала не соглашался, потому что много лет им руководил Виктор Сидоренко – человек талантливый, делом своим увлеченный. Понимал, что ему будет больно. Но мне пояснили, что зовут не на «живое» место, Сидоренко снимают из-за финансовых нарушений, а вот журнал, чуть было не закрытый в связи с этими обстоятельствами, надо спасать. Пошёл спасать!

Кстати, этой осенью случилось то, о чём я не раз предупреждал: разрушителей Пензенской студии телевидения разогнали. Одного выгнали, второй убежал на другой канал, третий просто куда-то испарился. Отвечать, как всегда, некому! Ну, да бог с ними. Вот только контору жалко.

Ах, вот почему я вспомнил об этом! Следующий, 2007 год объявлен Годом чтения. Вот теперь – все с начала. Будем учиться читать. Власть велела! А три года назад она ничего, значит, не понимала? Хорошая власть! Дальновидная, умная!

Ну, а моя команда вступает в новый год с новым девизом: «Сура» – больше, чем журнал!» Это, действительно, так: сегодня мы занимаемся и издательской деятельностью, и просветительской работой, и клубной. «Сура» стала центром литературной, одним из центров культурной жизни Пензы. Горжусь этим. И радуюсь тому, что у меня есть единомышленники: Марина Осипова, Лидия Терёхина, Володя Юраков, Лариса Яшина, Валерий Сухов, Дана Лобузная. А еще молодые люди, которые прикипели к нашим клубам «Берега» и «Поющие поэты». Так старые передают все, что накопили, молодым. Разве может быть иначе?

Но не этот вопрос, если честно, не даёт мне уснуть, с этим я как-нибудь справлюсь. Другой: как называется то состояние, которое я переживаю? Если

не любовь, что тогда? Может быть, в связи с новым и последним этапом жизни – стремление как бы жить дальше, оставаясь в памяти молодых? Форма, способ самосохранения? Ведь видится мне во снах, как поёт Она мои песни, как терпеливо уже в своей жизни несет груз воспоминаний о моей влюблённой душе, как грустит над книгой моих стихов. Да, я мечтаю об этом. Разве это грешно?

Впрочем, сегодня сердце болит не так сладко, как в семнадцать. Но оно болит. Болит ещё больше. Так что такое любовь: боль или радость? Должно быть, всё вместе. Самому странно слышать эти рассуждения, ведь мне через месяц 54! Оказывается, и тогда, когда жизнь твою силы небесные готовы назвать не иначе как «закатом», ничего в сути человеческих чувств не меняется. Нет, не меняется. И никто не докажет мне обратного, как и то, что я совершаю что-то противоестественное. Ведь нет ничего дурного в том, что я влюблён. Почему этого надо стесняться, бояться, что об этом узнают? Да, влюблён! Нельзя? Такому, как я, сидящему, матёрому, имеющему взрослую дочь, и как-никак прожившему с женой почти четверть века, уже нельзя? Глупости! Сердцу не прикажешь! В жизни есть только один пропуск в мир души другого человека, один проездной билет до станции «счастье», одна индульгенция, которая разрешает и прощает все: любовь. Потому что Бог есть любовь! И точка.

Кстати, о «точке» думаю всё чаще и чаще. Но уже без страха. Ещё лет двадцать назад написал «Песенку о Парках» – трёх богинях судьбы, которые прядут, тянут и обрезают нить человеческой жизни. Этой осенью вернулся к любимой теме.

Пока решает третья Парка,
Когда и как обрезать нить
Моей житухи, крепко, жарко
Целую жизнь. Хочу испить
Чего покрепче. Нет, не старки –
Любви последней благодать.
Такой, какой не знают Парки.
Не Паркам, парочкам подарком
Такая. Грешным нам подстать.

Влюблюсь, и каяться не стану,
В последний раз, как в первый раз.
Прильну к немислимому стану,
Умру в глубинах карих глаз.
Пойму, что жил я не напрасно,
Коль был любимым и любил.
И на вопрос небеспристрастный
Как будто выдохну – испил!

Пыхтит под утро кофеварка:
Со мною истину искать

Устанешь. Так решай же, Парка,
А я пока продолжу ткать.
Ткать полотно любви последней,
Что всех чудесней плащаниц.
И мой неведомый наследник,
Дай бог, ослепнет от зарниц
Своей любви. Решай же, Парка,
Но знай – напрасен этот труд.
Пока целуем крепко, жарко
Мы жизнь, желанья не умрут.
Не страшно мне. Я вот он, тут,
Перед тобой! Решай же Парка!

Сегодня мне не страшно, и ничего я не боюсь. Разве что, дураков. Много лет назад, когда мне было тридцать семь, я легкомысленным поведением подставил под удар свою семью. Позже, после развязки тех трагических событий понял главное: нельзя допускать, чтобы новое увлечение разрушало жизнь близких тебе людей. Любовь вообще ничего не должна разрушать. Нельзя построить свою любовь на обломках другой. Нельзя. На обломках и сарая не построишь. Не получится! Любовь должна только радовать! Только обогащать! Только просветлять! Вот тогда не страшно, влюбляйся хоть тысячу раз! Да и всё теперь по-другому: не может моя сегодняшняя светлая, платоническая, поэтическая я бы сказал любовь разрушить семью.

А без любви нет полнокровной жизни. Для человека творящего – уж точно! Правда, это должен понимать и тот, кто живёт рядом. Здесь всё сложнее, но надежда всегда со мной. Ведь влюбленность – не что иное, как условие бытия поэта! Такая формула жизни.

Теоретик! Посмотрим, что в который раз покажет практика?

25 ноября, суббота.

Суббота с некоторых пор стала для меня рабочим днем. Точнее – днем клубной работы. Именно по субботам в редакции собираются поющие поэты. Когда-то, очень давно, в самом начале 80-х я стал организатором Клуба авторской песни «Менестрель» и с тех пор вижу в этом свою миссию: пропагандировать (советско-страшноватое, но верное в данном случае слово) авторскую песню. Делал это всегда на телевидении, где вел программы «С Борисом Шигиным на кухне, под гитару» и «Пока горят костры», делаю это и теперь в рамках передачи «Свидание с авторской песней» на Мост радио.

Кружок, творческое объединение единомышленников – вещь великая. Именно в кружках рождались самые смелые идеи, самые светлые мысли, самые душевные песни. Глаза в глаза, от сердца к сердцу – вот формула жизни любого кружка. Поэтому здесь не совершь, не схитришь, не сыграешь: все естественны и честны. А сила, брат, в правде!

И, конечно же, каждую субботу я жду их, любителей поэзии и авторской песни, которую, может быть, правильнее было бы называть песней

поэтической. Они очень разные, но одинаково молодые и красивые, свежие, возбужденные теперь первыми заморозками и снегопадами. Лена, Аня, Катя, Юлька, Снежана... Пьют чай, поют старые песни, слушают новые, смеются, говорят и спорят со мной, Володей, Максимом, Юрой, Виталием... Они любят Пушкина, Чехова, Пастернака, знают поэзию Серебряного века и песни века двадцатого, изучают иностранные языки, им не надо объяснять, что такое стиль, метафора, образ, лирический герой... Они свои. Мне с ними легко. И только они и такие, как они, вселяют в меня надежду на то, что наша страна не погибнет, не сгинет, не утонет в море глупости и пошлости. Сумеет выжить и снова станет великой, культурной державой. Я так их люблю! Так надеюсь на них.

Всю неделю мне не до работы –
Будто дел на свете больше нет.
Как калека в церкви, жду субботы,
И твоей улыбки мягкий свет.

Буду рифмовать «морозы» - «розы»,
Повторять сто раз «любовь» и «кровь».
Не новы слова! Но хватит прозы!
Буду жить страстями вновь и вновь!

И не важно – будет ли услышан
Голос мой негромкий. Буду петь,
Падать, но карабкаться все выше,
Чтоб к вершине засветло успеть.

Засветло... А уже закат! Закатное солнце полюбить, конечно, можно, но вот согреться в его лучах... Я и сам не знаю пока, какое оно – закатное солнце.

А что Она знает обо мне? Можно сказать, ничего. А можно – всё, потому что читает мои стихи, знает и любит мои песни. А ведь в них и есть я – настоящий. Такой, каким, дай бог, останусь в памяти людской: «сжатый» в четверостишия и гитарные аккорды. А, правда, – каким меня запомнят? Интересно, всё-таки. Внешне, скорее всего, в виде изображения с какой-нибудь последней фотографии, где я уже не молодой и почти лысый. Обидно! И только некоторые нет-нет, да и вспомнят, что были, были когда-то у меня каштановые кудри до плеч и огненно-рыжая борода! Что ж, такова судьба стареющего мужчины. Как жалко, что Она меня таким никогда не видела и не узнает уже никогда.

Что я знаю о Ней? Тоже почти ничего! Больше чувствую. Влюблённость, вообще-то, не требует знаний. Даже зрения хорошего не требует, потому что смотришь и видишь в это смутное для глаз и разума время сердцем. Но сердце не обманет: всё увидит, всё разглядит! И вот удивительное доказательство тому: вдруг очень ясно почувствовал, что мы чем-то

объективно должны быть похожи. Но чем может быть похожа молодая женщина на стареющего мужчину? Господи, да устройством души! О чём должен свидетельствовать гороскоп! Уверенность была такой значительной, что я напрямую спросил её о том, под каким созвездием она родилась? И ничуть не удивился, когда выяснилось, что мы астрологические тёзки. Тот же двенадцатый дом! Вот так всё и объяснилось! Кстати, одинаково заряженные частицы... Да, да, да, по идее должны отталкиваться друг от друга. Надеюсь, что это произойдет не так скоро. Впрочем, и сегодня ни о каком взаимном притяжении речь идти не может, Она моей влюблённости просто не замечает. И хотя, я ее скрываю, меня это несколько расстраивает. Скрываю – не замечает – расстраиваюсь! Где логика?

Двенадцатый дом одиночества –
Мой дом... Оказалось, и твой!
Фамилия, имя и отчество
Не в счет, если силою той

Мы связаны, будто повенчаны,
И не разорвать этот круг:
Ведь силы слепые, но вечные
Сильнее и лет, и подруг.

Двенадцатый дом одиночества –
Он крепок, но нет в нем дверей.
Он очень подходит для творчества,
В нем стал я сильней и мудрей.

Игра? Да, пожалуй, не хилая!
Вся жизнь моя ей – не цена.
Вот только не скажешь ей: милая,
Подвинься, ведь ты не стена.

И каждому, видимо, хочется
В иные дома и миры...
Двенадцатый дом одиночества –
Условие нашей игры.

Сегодня в передаче «Ночной полёт» на канале «Культура» Мишель Легран как-то очень светло говорил (извинившись, что вслед за Шекспиром) о том, что вся жизнь – игра! А смерть – всего лишь конец игры. Говорил с улыбкой. Есть, чему поучиться. Кстати, горжусь тем, что когда-то, на Международном фестивале «Славянский базар», где Мишель Легран был председателем жюри, выходец из Пензы Виталий Лопатников исполнял мою песню «Я двух женщин люблю» и позже уверял меня в том, что Мишелю

Леграну она понравилась. Не знаю, правда ли это, но меня всегда просят спеть ее еще и еще раз. И Она тоже!

25 ноября. Воскресенье.

Ихадноль! Так моя маленькая дочь называла в детстве выходной день, так по-своему говорила самое, пожалуй, любимое русское слово. Причём, произносила его с таким нажимом и так безапелляционно, что добавить было нечего: лежи и не вздумай вставать, тем более, напоминать о детском саде. Сегодня «ихадноль»! Мама и папа дома – праздник!

Мой выходной всегда был мало похож на день ничего неделания. С девятого класса я привык подрабатывать, так и работаю всю жизнь, причём, сразу на нескольких работах. Всю жизнь веду какие-то кружки, руковожу клубами. По молодости даже играл на свадьбах и вечеринках, в зрелые годы стал читать лекции студентам и вести авторские программы на радио. Не заскучаешь!

Вот и теперь я сижу за компьютером и готовлю очередное «Свидание с авторской песней». Благодарен Владимиру Ивановичу Миронову и Валерию Волкову, которые еще в 1999 году пригласили меня на радио «Ностальжи», так оно тогда называлось. Потом стало называться иначе: радио «Мелодия» в Пензе. И вот теперь – Мост радио. Тогда, в девяносто девятом, я отнёсся к этому предложению весьма скептически. Радио? Да кому это надо? Телевидение – вот великий маг XX века! Но уже через несколько месяцев мне стали чаще говорить о том, что «слышали меня по радио», тогда как раньше всякий раз с радостью сообщали, что «видели по телевизору». Удивление было ошеломляющим. А дальше... Теперь мне кажется разговор с радиослушателями самым естественным, самым непринужденным, самым душевным. Это так! На радио наиболее приемлема и выигрышна разговорная речь, этим и объясняется его притягательность. Ну, и потом – максимум песен. Да таких, какие на телевидении никогда в таком объеме не прозвучат: Александр Вертинский, Михаил Анчаров, Александр Галич, Булат Окуджава, Новелла Матвеева, Владимир Высоцкий... Сколько имён я еще могу назвать? Сотни! Еще в конце прошлого века московская общественная фонотека насчитывала сто тысяч авторских песен. Среди них есть и мои. Да и не все, конечно, посчитаны! Авторская песня – безусловно, уникальное явление русской культуры! Я обожаю её, и не устану о ней рассказывать. К счастью, передачу хорошо слушают. Об этом я знаю точно. Доходит, порой, до курьёза, когда в маршрутном такси или автобусе (пассажиры, водители и кондуктора – самые постоянные и внимательные слушатели мои) не хотят в знак благодарности брать с меня денег! Но настоящую благодарность все мы должны выразить поющим поэтам. Сегодня, когда поэзией увлекается по последним данным лишь три процента населения (несколько лет назад было семь), звучащая, поющая поэзия – почти что единственная возможность познакомить людей с изящной словесностью! С великой русской поэзией! Вряд ли сегодня поэтический вечер соберет большой зал. Авторская песня собирает. Помню, как

пензенский областной театр драмы буквально ломился от зрителей, которые пришли на презентацию моей первой, тоненькой книжки. Впрочем, первой подобной – с авторскими песнями и нотами. О ней даже написал в своей «Пензе музыкальной» Олег Михайлович Савин. Было это в 1992 году. Поэтому сегодня я забочусь о том, чтобы наши литературные вечера были музыкально-поэтическими. И читателям «Суры» это нравится. Песня – великая сила!

Вечер осенний и мрачен, и мглист.
Город дрожит, как осиновый лист.
Осень!
Только последний троллейбус бежит
К тем, кто пока не замёрз от обид,
Лосем.
Тесно в троллейбусе, не мудрено.
Как по команде все смотрят в окно –
Что там?
Только стекло запотело на грех,
Будто покрылось обидами всех,
Потом.
Нам бы, друзья, не жалеть рукавов,
Был бы троллейбус и чист, и здоров.
Охнем!
Где там: у этого замша-рукав,
А у другого – букетик в руках...
Бог с ним.
Так и несёмся незнамо куда:
Город, троллейбус, любовь и беда
Вместе.
Радость одна, хоть не ясен маршрут,
На остановке на пару минут –
Песня!
Это поёт одинокий чудака,
Вдоль проводов он идет просто так –
Пёхом.
Песни поёт и не мёрзнет ничуть,
А в духоте переносит он путь
Плохо.
Что ж, мы несёмся незнамо куда:
Город, троллейбус, любовь и беда
Лосем.
Надо бы окна давно протереть,
Надо бы песенку вместе запеть...
Осень.

Свою первую песенку я написал в 9 классе, а первые стихи – в восьмом и, что самое забавное, «по заданию коллектива». Было это так. Приближался Международный женский день, и мальчики нашего класса решили поздравить девочек уже по-мужски: хватит оставаться пионерами и дарить мягкие игрушки. Пора преподнести им цветы... и стихи!? С цветами нет проблем: купим – подарим. А где взять стихи, кто их напишет? Убей бог, не знаю, но почему-то все посмотрели на меня. Так всё и началось. С тех пор очень не люблю писать стихи по случаю, к празднику, юбилею, какой-то дате. Так называемые «датские» стихи. Хотя запросто это делаю! Только мой любимый Пушкин легко умел это совмещать: работая в своем кабинете на Мойке, 12, доставал из вазы полоску бумаги с заданной самим собой днем раньше темой и писал на эту тему шедевр. Гений!

27 ноября. Утро.

Ровно месяц назад, 27-ого сентября ещё раз убедился в верности тонкого наблюдения и откровенного признания Анны Ахматовой. Помните: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Сидел на кухне и подумывал о том, что бы подарить Николаю Михайловичу Инюшкину, который справлял свой 70-летний юбилей. И вдруг ведущий утренней программы (действительно, сор: набор новостей, советов, каких-то нелепых сюжетов и шуток) стал рассказывать о том, что именно сегодняшней день в народном календаре называется «зазимье». Самые первые заморозки. Птицы собираются в отлёт...

Образовалась строчка «Зазимье, и птицы в отлёт...». А уже через полчаса сложилась песня, которую я назвал «Зазимье» и подарил Николаю Михайловичу в день его юбилея. «Не ведая стыда!» Потому что, когда писал, думал, конечно, о Ней.

Зазимье – и птицы в отлёт.
Я буду их ждать, я дождусь их.
На утренних лужицах – лёд,
Над полем – кричащие гуси.

На сердце светло и тепло,
Но в горле какое-то слово...
Давай не скажу я его.
Не будем тревожить былого.

Зазимье – тревога пока
Под пологом бабьего лета,
Но красные солнца бока
На зорьке – плохая примета.

Два дня – и придут холода,
Туманы прольются в низины.

Ну, как мне тебе и когда
Букет подарить из рябины?

Осенний кудрявый букет –
Макет не сгорающей страсти.
Ты лишь улыбнёшься в ответ,
Да так, что не вымолвить «здрасьте».

И губ замерзающих лед
Не чует рябиновых бусин...
Зазимье – и птицы в отлёт.
Я буду их ждать. Я дождусь их.

Ей эта песня очень нравится. Она тонко чувствует поэзию. Она всё очень тонко чувствует. А ведь на улице встретишь – не подумаешь, внимания не обратишь. Пройдешь и не заметишь. Ах, сколько таких людей прошло мимо нас. Мимо скольких мы прошли, не узнав их, не поняв, не оглянувшись... С некоторых пор мы стали неинтересны друг другу. А с каких? Когда это произошло?

Во времена Пушкина в городах жило примерно пять процентов населения. Пусть, десятая часть этого ничтожного процента претендовала на звание элиты. Как мало! Получается, почти все образованные и интеллигентные люди знали друг друга. Самые большие тиражи книг – не более 2-3 тысяч экземпляров... Несколько вечеров могли потратить на то, чтобы услышать из уст автора новый роман, последнюю поэму... Был неподдельный интерес к человеку-творцу... Люди замечали и ценили друг друга больше, чем теперь.

Во время последней своей поездки в столицу удалось с помощью друзей из Центральной городской публичной библиотеки имени Н.А. Некрасова побывать в музее-усадьбе Льва Николаевича Толстого, что в самой Москве, в Хамовниках. Так вот, узнал, что четвертую часть своего дня (другие три: утренние дела, работа за столом, деловые переговоры) писатель отдавал общению с гостями, среди которых люди самые интересные и духовно богатые. Зарядка аккумулятора! А за столом на следующий день – разрядка, творческий процесс. Неужели не понятно, что аккумулятор надо заряжать не только у сотового! Голова и сердце – такие же аккумуляторы. А энергия для зарядки – в книгах, залах театра, филармонии, картинных галереях, в лесу, в общении с интересными людьми! Неужели это непонятно? Телевизор – тоже зарядка, но не такая мощная, не такая качественная. Для слабаков. Поэтому их так много сегодня!

Впрочем, Время все расставит по местам. Время, но не люди! Однако нам сложно смириться с тем, что мы чего-то не можем.

Когда я в лес вхожу и нахожу вдруг клад

Лесного озера, меняется расклад
Привычных представлений: царь природы?
Помилуйте, слабее мы невзгоды,
И уж никак, поверьте, не цари.
Лежит на серебре воды зари
Вечерней пышная порфира.
Лист иван-чая – мягче кашемира...

И думаешь: кто ж царь земной, кто Бог?

Я человек? Меня упорней дятел,
Быстрее водорезка, крот смелей.
Сильнее ветер, шепчущий: приятель,
Природа – царь! А ты лишь раб при ней.

Не суетись, не пыжься, не старайся
Всё изменить, но изменяйся сам.
Не сильным, слабым в ноги поклоняйся,
Молись не пилорамам, а лесам.

И кровь уймется, и воскреснет разум,
Душа излечится, окрепнет дух.
И медленно, как прежде, раз за разом
Вернемся к мысли, что земля, как пух,
Должна быть матерью и нам, пока живущим.
Иначе все не так, и все не впрок...
Спасибо вам, врачи хопровской пущи,
Навек усвою мудрый ваш урок.

Сегодня в 12 часов большой зал Пензенской филармонии заполнили библиотекари, преподаватели литературы, деятели искусств, журналисты, просто культурная, читающая публика. Свои итоги подводил Фестиваль «Культурная провинция», посвященный 100-летию со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

Праздничную встречу поручили вести мне, но главным ее украшением стал приехавший из Москвы известный писатель, лауреат Государственной премии России Вацлав Михальский, которого я с удовольствием представил пензенской публике. Мы познакомились с ним еще в сентябре, на Купринском празднике в Наровчате. Умный, интеллигентный, по-моему, очень уставший человек, лично знавший Лихачева и интересно рассказывающий о своих встречах с академиком. Уже потом, после торжеств, в ресторане, когда поминали ученого, он рассказывал, как хоронили Дмитрия Сергеевича и как все были удивлены бедностью его жилища в Комарово. Что тут скажешь? Ордена давали, а больше – ничего. Горько...

Кстати, в Наровчате, во время Купринского праздника я читал стихи, посвященные рассказу Александра Куприна «Гамбринус». Когда-то, ещё студентом побывал в этой легендарной одесской пивнушке, где до сих пор, как во времена Куприна, звучит скрипка.

В полутемной пивной мне не скрипка,
Мне еврейское сердце поёт.
И не вижу ни скатерти липкой,
Ни обмана в счетах... Все не в счёт!

Мне еврейское сердце по-русски
Жарит так, что не встать, а сгореть!
Уберите питьё и закуски –
Я не буду здесь пить, буду петь!

Буду слушать шершавые звуки,
Что похожи на ветер в степи,
Да на вой оценившейся суки –
Родила, и опять на цепи.

Буду жадно ловить каждым ухом
Пальцев хруст и стенанья смычка,
Исцеляясь душою и духом
Не проветренного кабачка.

Исправлять жизни сложенный «минус»
На в пути задержавшийся «плюс»...
Потому-то, Купринский Гамбринус,
На тебя я, любуясь, молюсь!

Ах, еврейское сердце, ах, Сашка!
Ах, татарская кровь – все одно!
Ведь российская наша рубашка,
Как лоскутный ковер-полотно.

Кто об этом забыл, тому – горе!
Кто не помнит, тот предал страну...
Ну, а я в Наровчат – тихий город,
Прихожу на урок к Куприну.

Но вернусь к дням памяти Дмитрия Сергеевича Лихачёва. В конце 90-х у меня был шанс непосредственно выслушать Лихачёва, но этого общения меня и других участников первого Форума творческой интеллигенции России лишила болезнь Дмитрия Сергеевича. Елена Столярова, Александр Тугаров, Вячеслав Власов и автор этого дневника, как, впрочем, сотни

других делегатов, увидели это обращение лишь на экране, в записи. Что меня тогда поразило? Совершенно нестандартное мышление учёного: к участникам Форума, готовым объединиться вокруг какой-либо идеи (в то время все с кем-нибудь объединялись, создавали партии, движения, союзы), он обратился с просьбой... не объединяться! Интеллигенция не должна создавать или иметь партии. В противном случае, она кончится, перестанет существовать как сила. Потрясающий поворот мысли и очень верный. Ведь всякая партия, во-первых, всегда малая часть общества, во-вторых, в итоге неизбежно терпит крах. Кстати, современные партийцы этого, по-моему, так и не понимают. А интеллигенция не может позволить себе такого финала. Иначе рухнет Россия! Вот таким удивительным, уникальным, нестандартным было мышление Лихачёва. А нас настойчиво продолжают приглашать в партии. Спрашивается, зачем? И ещё, он не видел ни государства, ни нации, ни народа вне культуры! И тоже, мысль до сих пор не понятая властью!

Как ни больно об этом говорить – сегодня мы уже не великая страна. Была Россия, и, верю, будет великой, если сегодня будет не играть в своё величие, а действительно становиться мощной. Вернём себе былое величие, если будем работать так, как всегда умели в лихую годину. Да не умрём от водки и не обнищаем от воровства чиновников.

Не называй страну великой,
Когда в ней бедствует народ,
И власть вдруг Янусом двуликим
Свободам затыкает рот.

Не называй народ великим,
Когда он терпит век, другой,
А после... О, святые лики, –
Он сам и каждый в нём – изгой!

Не восклицай: «ну, что же делать?»,
Не вопрошай: «кто виноват?»
Не извиняйся: «это, дескать,
Шальной фортуны маскарад».

Не поддавайся этой гнили:
«Не верь, не бойся, не проси...»
Хотя б не пей, уж всё пропили.
Не пропивай своей Руси!

Прорвало! Всегда и всем говорю о том, что писать надо только о любви. А сам... Ну, не могу терпеть, не могу без слез смотреть, как многое из того, что строили годами, разваливается. Но что толку стенать, надо делать, и я работаю.

По понедельникам общаюсь со студентами ПГУ на кафедре с загадочным для большинства обыкновенных людей названием «Коммуникационный менеджмент». В расписании значится: «доцент Шигин». Сразу вспоминается шутка про доцента. Смешно! А если серьёзно? Не получается! Опять из области юмора: когда-то о сути работы в таком, как у меня, режиме хорошо пошутил Михаил Ширвиндт, преподающий в одном из театральных институтов столицы – «минус время, минус деньги». Это формула всё объясняет как нельзя лучше.

Но, не смотря на все минусы, мне интересно. Во-первых, потому что общаюсь с молодёжью. Во-вторых, потому что чувствую, что нужен и кафедре, и студентам. Всё-таки, тридцать лет в журналистике – опыт колоссальный, мало кто таким в Пензе сегодня обладает. Не зарывать же в песок, грех великий. Да и кафедра интересная: Игорь Столяров, Вячеслав Шпаковский, Владимир Садчиков. Молодых надо учить хорошо. Надо успеть отдать то, что накопил.

А ведь никто из них, пожалуй, и не знает, что сразу после школы я сначала поступил учиться именно в этот ВУЗ. Да, в Политех, так его тогда называли. Мечтал, конечно, не об этом. Мечтал учиться во ВГИКе – институте кинематографии. Да родители отговорили: мол, сто человек на место, куда тебе! Родителей я любил, да и мальчиком был послушным... А в ППИ именно в том году, если не ошибаюсь, открылся новый факультет радиоэлектроники и вычислительной техники, самый модный и престижный! Учился-мучился целый год, а потом ушел и поступил на филологический. Литература всё равно перетянула! Да и ВГИК «взял свое»: в Институте Гостелерадио СССР уже позже, где я учился как журналист, многие лекции читали вгиковские профессора.

Мечтаю когда-нибудь своим студентам попеть, почитать стихи. Интересно, надо им это или нет? Кому-то, может быть, надо. Спел бы для начала что-нибудь современное, про Интернет. Ну, а потом уж лирику.

Заберет октябрь тепло – не умру!
Сайт открою «Тёплый май. Точка. Ру.»
Стану греться в этом тёплом окне,
Вспоминайте там зимой обо мне!

Буду ссылки, как посылки, вам слать,
Буду песенки качать: эка, сласть!
И «емэлиться» с девчонкой одной:
Говорить со всей огромной страной!

А придет весна опять – я воскрес!
На компьютерном окне ставлю крест.
Открываю нараспашку окно
Настоящее. Ай, с ветром оно!

Два окна в моей квартире, мой друг.
Два окна во мне есть – Разум и Дух!
Ну, а дверь... А дверь, как прежде, одна:
Заходи и ангел, и сатана!

Заходи, давай, любовь и нужда,
Улетай печаль, ты нам не нужна.
А отрубят за долги Интернет, –
Перейду на адресок: pisem.net

Совершенно неожиданно одна из студенток сообщила мне адрес своей электронной почты и сказала, что общаться со мной интересно. Попросила прислать что-нибудь из «недавно написанного». Значит, и молодым я могу быть интересен. Класс!

28 ноября.

Я понял, почему мне так тяжело, почему моя новая, последняя влюблённость приносит мне больше страдания, чем счастья. Пожалуй, впервые я сам себе запретил видеть перспективу, надеяться на счастливый финал. Не могу даже в мыслях представить себе, что мы с Ней могли бы стать близкими людьми. Впервые? Да сколько раз твоя влюбленность была безответной. Забыл? Сто раз! И все-таки, всегда была хоть призрачная, но надежда. Сейчас другое дело. Сейчас ее нет, и не может быть.

Значит, с этим надо кончать. Ничего, кроме разбитого сердца, ты иметь не будешь. Ага, испугался? А как же любимая строчка Владимира Высоцкого «так лучше, чем от водки и от простуд»? В песне не об этом, но я люблю эту строчку, и всегда думал, что любовные муки и горячее сердце лучше, чем «холодный нос» и свежая голова. Что же делать? Забыть? Пока не получается. Включить логику, которая расставит все по своим местам? Она может! Да будь проклята эта логика!

Вот вернется Дама Логика –
Все по полочкам разложит.
Так ударит, будто ломиком,
Втиснет в Прокрустово ложе.

И куда там Даме Взбалмошность
Продолжать свои затеи?
Вслед за Логикой к нам – Дама Злость:
Подытоживать потери.

Дамы
Дома –
Дым в Галактике,
Так проходят зимы, лета...

Что тут скажешь, это практика:
Дура
Дама бьет Валета!

А если, все-таки, серьезно? Не хочу серьезно, устал. Ложусь спать: утро вечера мудренее! Да и сон, возможно, принесёт какое-то облегчение.

Стоп! Почта! Студентка! Так, что скажет, как приняла мои стихи, которые послал без особых надежд, – совсем не этому учат будущих менеджеров. Смотри-ка, всё оценила, всё поняла. Только почему ночью это всё происходит? Ах, должно быть Интернет дешевле, или не успевает днём, потому учится и работает. Ну, да и стихи – на последнем месте! Значит, и письмо поэту – тоже в последнюю очередь. Не обижаюсь и воспринимаю как суровую реальность!

Надо признать, что большинству молодых стихи сегодня не интересны. Но я уверен в том, что через несколько лет они будут им нужны. Просто сейчас формируется интеллект, а вот когда очередь дойдёт до души...

Порадовала студентка-умница, умница-студентка... Надо бы ей ответить...

29 ноября.

А сны стали сниться такие же, как в юности: яркие, необычные, символические. Впрочем, сон – это всегда символ. В детстве мне много лет снился один и тот же сон: открываю дверь, а там Нечто. Страх. Побег. Кубарем по лестнице. Двор. Нечто меня почти догоняет, и я... взлетаю. Как самолет со взлетной полосы. И лечу! Набираю высоту. Улетаю от страха. Ошеломляющее чувство полета! Свобода!

А еще, когда мне было лет 5-6, ночью у моей кровати все время кто-то чужой стоял. Я это точно знаю. Но мне страшно было обернуться. Так и не увидел, кто... Детский сон? А сегодня снилось вот что.

Сон.

Струны рвал и кричал,
Докричаться не мог.
Все искал свой причал,
Постигал слово Бог.

Только пальцы сломал,
Только губы все – в кровь.
Лишь смеялись: удал!
А ведь Бог есть любовь!

Говорили – поймешь,
А поймешь – так молчи.
И давали мне нож

Заточить палачи.

И сулили мне рай,
Если выпущу кровь, –
Только нож вытирай...
А ведь Бог есть любовь!

Не сломался, но пел,
Не продался, а мог.
Был их плод скороспел –
Не Любовь и не Бог.

Снова ночью кричу,
А не песню пою.
И тому палачу
Не рубаху крою.

Вью веревку из струн.
Значит, кровью за кровь?
Ночь пройдет, поутру
Будет – Бог есть любовь!

30 ноября. Последний четверг месяца.

Это значит, что именно сегодня, в этот день по сложившейся традиции один из моих учителей и старших товарищей Николай Михайлович Инюшкин – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры ПГПУ, приглашает известных людей Пензы в Гостиную нашего родного Университета. Такая форма общения с творческими людьми. Впрочем, надеюсь, что придет и первый мой наставник, некогда научный руководитель, профессор Кирилл Дмитриевич Вишневский, которого я очень люблю. Под его руководством писал студенческие научные работы и даже умудрился (это его заслуга, конечно) еще в те годы сделать доклад в Институте Мировой Литературы в Москве. Да дважды!

Вот такой предполагается четверг. В свое время Лариса Яшина, кажется, придумала остроумное словцо «четвергование». По четвергам собирались поэты и «любили» друг друга. А еще у Дмитрия Кедрина: «У поэтов есть такой обычай, в круг сойдясь, оплёвывать друг друга». Да, это всё о нас, людях культуры!

О чем меня спросят сегодняшние студенты, чем я могу быть им интересен? Что я им скажу? Что сам влюблен (как и все они) и мучаюсь вот уже три месяца? Засмеют! Нет, не скажу, постесняюсь.

А вот стихи читать новые буду. И новые песни петь. Филологи слушают лучше, чем другие, это понятно. Встреч таких у меня было уже много. Но сегодня – особенная: вдруг придет и Она? Не скажу, что это меня смутит,

парень я опытный. Напротив, подзадорит, добавит куражу. А кураж на сцене – первое дело!

Родители любят вспоминать о моих первых «выступлениях». В Пензу отец попал сразу после учебы в МЭИ – Московском энергетическом институте, мама была еще студенткой и перевелась в Пензенский педагогический. Вскоре привезли и меня. Папе повезло: он создавал первые советские вычислительные машины, которые обеспечивали космические полёты. Здорово! А жили мы в общежитии завода САМ – счетно-аналитических машин, который потом переименовали в ВЭМ. Так как в молодёжной общаге мы были единственной семьей на этаже, комнату нам выделили прекрасную, в 20 квадратных метров, с балконом. Вот из-за дверей этого балкона (как бы из-за кулисы в зал) я и влетал в комнату с криком «Выступает Боря Шигин!». Вскакивал на табурет (тогда все так делали почему-то) и пел. Очень чисто, правильно и с выражением песню... «Называют меня некрасивою, так зачем же ты ходишь за мной...» Так, стоп... Боже мой, только сейчас я понял, что это судьба! Какой ужас: все это было заложено с детства?

Нет, я положительно болен! Рецепты, впрочем, мне давно и хорошо известны. Например, такой: клин клином вышибают! Опять? Нет уж, хватит. В моем возрасте спасает на самом деле только работа и творчество. И вообще, пора сублимировать этот процесс. Старик Фрейд давно объяснил нам феномен Болдинской осени. Никаких сравнений с великими, но остается то же самое – писать стихи. Этим и лечиться.

Не разлюблю тебя, но отпущу.
Мы любим птиц, и все же отпускаем
На волю их. И всё, и всем прощу...
А если нет, то в новую пращу
Опять вложу слепой обиды камень.

Но брошу не в тебя, в свою печаль!
Моя война не против птиц, но клеток.
А милый мир из перышек и веток...
Причем тут он? Он – зыбкий твой причал.

Вернись к нему, свободной будь, запой,
Веселой птахой стань опять. А гунны...
Уйдут домой или уйдут в запой,
Натянут тетиву, натянут струны,

Отправятся в поход, в другой стране
Отыщут новую любовь и в новой клетке
Певунью новую поллюбят...
И в огне
Сгорят поэта новые заметки...

Четверг. Вечер.

Встреча прошла прекрасно! И преподаватели, и студенты слушали чудесно. Приходил и Кирилл Дмитриевич Вишневецкий, который даже читал мои стихи! Учёный-стиховед с мировым именем читал мои стихи! И последние стихи и песни всем тоже понравились, а мнение Вишневецкого, Мали, Сухова, Инюшкина я ценю очень высоко. Одним словом, всё было замечательно...

Только Она не пришла. Впрочем, ей хорошо известны все мои песни. Так я себя успокаиваю. Песни – да. Вот, стихи новые она еще не слышала. Впрочем, я буду читать их в редакции второго декабря, когда соберутся вместе участники четырех литературных клубов и поэтических объединений Пензы и Заречного: «Берега», «Поющие поэты», «Радуга» и «Былина». Татьяна Кадникова, Виктор Кельх, Ольга Коршунова, Вячеслав Филонов, Ольга Правдина (все из Заречного) - дорогие гости на любом нашем празднике. Месяц назад дал Татьяне Кадниковой рекомендацию в Союз писателей России. Приняли! С ней же в начале ноября представляли Пензу на презентации «Суры» в Центральной Городской Публичной библиотеке имени Н.А. Некрасова в Москве. Тоже приняли! И тоже с успехом! В Пензе хорошие поэты, это отмечает даже Литературная газета, которой в связи с юбилеем журнала в этом году я дал небольшое интервью. Совсем маленькое, но ведь «Литературке»!

Впрочем, все это ерунда. Почему Она, все-таки, не пришла?

Четверг, полночь, почти пятница.

P.S. А ведь сегодня был последний день осени. Отмечу прощание с ней и встречу с зимой вот этими стихами.

Листьев одуревших круговерть
В лихорадке красок исчезающих
Кажется мне вечной: не поверить,
Что отменит все зима, играючи.

С ловкостью хозяйки молодой
Уберёт все лишнее. И стелется
Наземь скатерть новая, подбой –
По стерне звенящая метелица.

Вот хрусталь, вот серебро... Бери!
Новой песней слух и душу радуй.
На берёзах – броши-снегири,
Все готово к зимнему параду.

Ждать недолго – выйдет командир,
Знак подаст поземкой-рукавицей, –

Будто сдует воробьёв-задир.
И притихнут остальные птицы.

И нагрянет новая пора,
Что пиры отменит до апреля.
Знай – терпи, и дерева кора –
Радость для блуждающего зверя.

Круг замкнулся: смена зим и лет –
Суть привычной, познанной рутины...
Лишь на стыках их нездешний свет
Нам дарует чудные картины.

1 декабря.

Зима? Осторожно так спрошу я сидящую в студии «11 канала» Валентину Неворотову. Мысленно, конечно. Хотя мог бы и позвонить. Когда-то именно мне пришло в голову пригласить эту симпатичную и грамотную женщину на телевидение. Был какой-то юбилей метеослужбы, и я делал репортаж с пензенской метеостанции. Там и познакомились. Помню, как первое посещение святая святых – машинного зала метеостанции привело меня тогда в невообразимое замешательство. Если бы на одном из сотрудников был бушлат, а голову его покрывала бескозырка, я бы ни минуты не сомневался, что с ленты телетайпа он мог бы зачитать слова благодарности Реввоенсовета или призывы товарища Свердлова, например. То есть, это было техника еще довоенная, почти революционная. Телеграфный аппарат, выплевывающий ленту с загадочными символами, гремел так, что ничего и никого в радиусе пяти метров не было слышно. При этом сказать что-то вразумительное о погоде на завтра никто не решался. Графики, полученные таким дореволюционным способом, были совершенно не читаемы. Ужас! Снимать интервью было невозможно. И только Валентина Ильинична украшала это непотребство своим быстрым говорком с выдающимся «р»...

Вот и пришла зима. Декабрь. Мой месяц. И Её. Наш декабрь? Ой, ли? Может быть, в декабре всё и кончится – значит, будем жить по-новому? Это как, без любви, что ли?

Ра-бо-та-ть! Засяду за новую книгу, в 2007-ом сам бог велел сделать ее, постараюсь к 55-летию. Тем более что Марина Николаевна Осипова – директор Лермонтовки обещала поддержку. Ведь за государственный счет я не выпустил ни одной своей книжки. Только на спонсорские!

Впрочем, и не это даже главное: у меня кончились и мои книги, и мои диски с песенными альбомами. Буду послушным мальчиком. Сказано же в книге судеб: блестящее завершение творчества, вот и будем закругляться. Пора! Блеска обещать не могу, как Бог даст, а итоги подводить, действительно, надо. Хотя бы за 55 лет жизни.

Зи-ма... Зимой мне неплохо пишется. Лучше, конечно, чем летом, но хуже, чем осенью. Во всяком случае, этой зимой я настраиваю себя на работу. Даже придумал такую формулу: «время моё – с декабря по март», которая очень скоро стала первой строчкой нового стихотворения.

Время моё – с декабря по март.
Так в холода и рождаются песни.
Из кабинета – то смех, то мат...
Мерзну, но все же пою, хоть тресни.

Стынет ладонь, а душа давно
Выстужена мертвенными ветрами.
Прошу: закройте телеокно,
Или заткнёте его сами!

Теплеет. Это успел аккорд
Стать для мелодии верным другом.
Мурлычет даже неверный кот, –
Может быть, вытянем песню цугом?

Вытянем! Сколько до талой воды
Дней и песенок нам осталось?
Знай, перебирай лады...
Самая малость!

Трудно поверить, но я даже фамилии Её не знаю. Потрясающе! А какое это имеет значение? Что, фамилию Лауры или Джульетты ты знаешь? Джульетты? Знаю: или Монтекки, или Капулетти. Точнее, увы, сказать не могу! Ну, ладно, Капулетти... Кстати, во времена Шекспира авторы сонетов ценились куда больше, чем авторы трагедий. Ну, это так, к слову.

И номера телефона Её не знаю. Точнее – не помню наизусть. А зачем? Просто нахожу в сотовом строчку-опцию с именем, нажимаю кнопку... Алё... Что за жизнь! Сплошная компьютеризация! Впрочем, ненавижу тех, кто ругает компьютер или сотовые телефоны. Ведь это только инструменты. Не более того. Такими же были когда-то шариковая ручка (помню, отец привез из Америки, вся улица ходила смотреть!) и калькулятор.

Так, значит, если я потеряю сотовый, а Она больше не появится, все кончится? Увы! Если потерял голову, потеря сотового не поможет. Аксиома!

Юмор, конечно, спасает. Цикл прикольных, как теперь говорят, стихотворений у меня постоянно пополняется. Значит, не всё потеряно.

Убегу – не спрашивай, куда.
Прилечу – не спрашивай, откуда.
Где-то есть другие города,
Океаны с рыбой баракуда,

Добрые раскосые глаза,
Страны, где поют иные песни.
Там растёт чудесная лоза,
И вино воды дешевле пресной.

Даже если сдашь билет, на борт
Попадаешь. При любой погоде
Принимает вас аэропорт...
Впрочем... Нет таких пока в природе.

Улететь бы вовсе, навсегда
В эти дали... Только ни откуда
Вдруг пришли соседи-господа
С водкой и *консервой* «Баракуда».

Или вот ещё.

Такого не встретишь в столице:
Шикарен из листьев ковер.
Хоть золотом вышиты лица -
Не тронет ни дворник, ни вор.

Нет денег на технику, нету
В провинции здесь ни шиша!
Поправится только лишь к лету
У дворника Лёши душа.

А нынче, когда холодает,
Она рассуждает вот так:
«Чё нервничать! Снег-то растает
И листья утащит в овраг».

Ах, Лёшка, ах умница наша!
Придумать такое, – отпад!
И, правда: в провинции краше,
Когда на дворе листопад.

Прощай, листопад, прощай, осень. Грех в этом году жаловаться на тебя, грех! Ведь ты познакомила меня с Ней! Потому-то мне так легко и писалось! Она – моё вдохновение! Вот же правильный ответ: Вдохновение! И не более. Надо думать только о творчестве и все встанет на свои места!

А помнишь, как познакомился с Ней? Конечно. Она появилась в середине чудесного сентября – светлая, улыбающаяся, стройная. И глаза – красивые, лучистые, тёплые... Только всегда грустные... Как у меня. Но

только за красивые глазки я полюбить уже не могу, конечно! В восторге от её музыкальной одаренности. И поэтические образы очень хорошие, необычные. Но должно пройти время, чтобы это стало поэзией. И ещё мне кажется, что Она очень хорошо меня понимает, лучше многих других. А мне именно это так необходимо...

Конечно, скептик или опытный человек может сказать, что я просто Её придумал. Мол, так мне легче переносить невнимание, непонимание... Так легче бороться с одиночеством. Может быть! Но тогда – Она – самое светлое, что я придумал в этой жизни! Эта осень и мои стихи – лучшие тому свидетели.

Что же принесёт нам эта зима? Впрочем, часто мы от зимы, кроме того, что она будет сносной: красивой, не злой и короткой, ничего больше и не ждём, ведь так? По-настоящему мы ждём только весну!

*А черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие жёлтые карты.*

В. Маяковский

Вечер выиграет в карты
Жёлто-чёрные дома.
Осень. Сколько ждать до марта?
Сто снегов. Сойду с ума.

Сто снегов до тёплой встречи,
Сто снегов до взлома льда.
Ты не шутишь, мерзкий вечер?
Я и впрямь сойду с ума.

Что ж, сыграем, я банкую,
Я рискую... Ты готов?
Я хочу весну такую –
В марте чтоб, без дураков!

Раннюю, с ручьями, с солнцем,
С хитрым блеском женских глаз.
И взрывную, будто стронций.
И простую, как топаз.

С песней, с радостью, с улыбкой,
С тёплым южным ветерком...
Выигрыш надежды зыбкой
Будто шепчет: ты о ком?

Сто снегов до тёплой встречи,
Сто снегов до взлома льда...
Бесполезно карты метить –

Жди, да не сойди с ума!

2 декабря.

Начинаю чувствовать себя дураком: впервые и вот уже третий месяц я не могу разобраться в том, что со мной происходит. Ясно одно: это завершение большого отрезка жизни и начало какого-то другого, нового, неизвестного мне. Перелом, перевал, революция? Как это называется? Только не революция. Ведь я далек от мысли, что всё было плохо, неправильно, зря. В прожитой до сих пор жизни моей было больше хорошего, чем плохого: тепло родительского дома (родители, слава богу, живы), любовь и увлечения, красивый и умный ребёнок от любимой женщины, успешная карьера, свет музыки и поэзии, зрительское признание, отсутствие неизлечимых болезней (постучим по дереву) ... Грех жаловаться. Нет, не революция. Просто солнце жизни прошло свой апогей и, действительно, впереди – закат. Одно утешение – «удивительный», что обещано Книгой судеб! Значит, и всё в новой жизни будет удивительно: и работа, и творчество, и любовь...

Закат... А сколько он продлится? Месяцы, годы? Вот это уже вопросы лишние. Сколько положено, столько и продлится. Просто мне надо понимать, что после заката будет...

А Она это понимает? Безусловно. Удивительно, но больше всего мне почему-то хочется... нет, не банальной близости. Стать кусочком Её жизни. Ведь частью моей она уже стала. Не жить вместе, а стать частью жизни друг друга – вот счастье!

Прости за то, что раньше я родился,
И старше вдвое.
За то, что петь пока не разучился:
Уж, так я скроен.

Прости за то, что именем твоим я
Строку украсил.
Что дал дождям осенним это имя, –
Стал дождь прекрасен.

Но ляжет снег, остынет сердце, стихнет,
Как бунт метели.
И кто-то тихо спросит: что же стих вы
Свой не допели?

Да, не допел... но песня будет петься:
Не мной, тобою!
А как же сердце? Станет мое сердце
Твоей звездой.

6 декабря.

Сегодня день памяти известной пензенской поэтессы Дины Злобиной. В Мокшане, а родилась Дина Дмитриевна на Мокшанской земле, прошёл поэтический вечер. Вели его вместе с Лидией Терёхиной. «Сура» в декабрьской книжке публикует статью Дмитрия Жаткина о Дине Злобиной. Она достойна памяти людской. Конечно, мне, как и многим, хорошо известны её стихи, а вот саму Дину, – так зовут её в нашей писательской организации до сих пор, – я знал совсем мало. И всё-таки, однажды наша встреча состоялась, и была столь необычной, что, признаюсь, мне стоит труда рассказать о ней.

Появилась она на пороге моего кабинета (на тот момент я – главный редактор авторских программ Пензенской студии телевидения, но уже член Союза писателей России, это важно) довольно неожиданно. Этому предшествовал короткий её звонок с лестными отзывами о моих передачах и просьбой принять, чтобы обсудить какую-то телевизионную программу. Однако вскоре состоявшийся разговор телевидения совсем не касался. Дина Дмитриевна попросила положить меня руки на стол, перед собой и вдруг (она сидела напротив и очень близко) опустила на них свою голову. Через какое-то время подняла на меня глаза и стала рассказывать... о моём будущем. О том, что меня заметят, да ни где-нибудь, а в Москве, что поэзия моя будет любима... Признаюсь, это не только удивляло, но и согревало. Поворот в разговоре стал полной неожиданностью: вдруг она спросила о моём возрасте, а когда услышала ответ, медленно произнесла число «шестнадцать». И добавила, что это «разница совсем небольшая». К чему был этот подсчёт разделявших нас лет, так и не понял. Только глупо улыбнулся.

Скоро я обо всём забыл и вспомнил эту историю лишь через несколько лет, после трагической гибели Дины Злобиной, ушедшей умирать в зимний лес. Я уверен, что сделала она это преднамеренно.

И вот, это воспоминание пришло ко мне второй раз. Моя тогдашняя улыбка возвращается ко мне сегодня улыбками молодых. Какими старыми мы кажемся им сегодня! Двадцать-тридцать лет – пропасть! Непреодолимая временная яма. Но нам-то кажется иначе. Ведь мы-то не переставали быть молодыми. Да, поседели... Но так хочется кричать о том, что ты молод. МОЛОД! Я МО-ЛОД!!! Не слышат. Не верят. Не воспринимают как молодого.

И это временное несовпадение судеб людских – самое страшное, что есть на свете – не преодолеть. Потому и болит сердце. И эта ноющая боль примешивается к радости свежих чувств. Как от этого избавиться, я не знаю. Только во сне – прообразе вечного бытия, где все противоречия исчезают, наступает какое-то успокоение.

Ухожу, оставляю открытой
Дверь туда, где когда-то я жил.
Там стоит город, богом забытый.

Там натянуты струны из жил

Моей жизни. Там песни поются,
Плачут женщины по вечерам...
Для чего эти сны нам даются?
Я не понял доныне и сам.

Только верю – не зря и не все,
Только знаю – вздохну поутру
И тебя вдруг такой нарисую,
Что уж, как никогда, по нутру!

И у двери твоей, настоящей,
Позже вспомню таинственный сон...
И признаюсь любимой, не спящей,
Что дорогу подсказывал Он!

7 декабря.

Даже не знаю, как начать, как сказать о том, что сегодня произошло. Вот она, последняя строчка стихотворения, что прямо перед глазами: «...дорогу подсказывал Он». Сегодня произошло ровно это: бог, судьба, случай... Кто нас свел, кто сделал так, что мы оказались в одной маршрутке?

Несколько дней назад я получил приглашение принять участие в открытии библиотеки, почитать стихи, попеть песни. Библиотека находится в том районе, где живет Она, но я там никогда не был. И мечтал о том, что Она могла бы случайно оказаться на этой встрече...

Но Она оказалась рядом даже раньше, по пути на место события. И сама предложила составить мне компанию!

Я не знаю, как это объяснить. Я ничего не знаю и ничего не понимаю. Но теперь уверен совершенно точно: это не только моя прихоть, не только мой каприз, не только мечты... Это нечто большее, что уже не в моей власти. С трудом сдерживал свои чувства и мысли. Вот и не верь в чудо!

Слава богу, есть еще структуры, люди, которые понимают, что такое чтение, библиотека, поэзия. Вадим Супиков, Петр Саяпин, Юрий Голодяев – люди с государственным мышлением, сделали все, чтобы в Железнодорожном районе появилась новая, хорошо укомплектованная библиотека. Молодцы! Ну, а я подарил свою книжку, журналы «Сура», спел песни. Слушали так, как будто не слушали песен целый век. Почувствовал, что мало, и предложил встретиться уже не в рамках презентации, а на литературном вечере, чтобы больше внимания уделить чтению стихов, вдоволь напеться. Так и решили.

Но надо ли говорить, что сделала этот вечер по-настоящему прекрасным Она. Нет, Провидение и Она! Думать иначе я теперь не могу и не хочу.

8 декабря. Утро.

Заходил Саша Яхонтов – человек очень беспокойный, талантливый, бескомпромиссный, а потому в последнее время... безработный. «Новая газета – Мир людей», которую он редактировал, приказала долго жить. Из пресс-секретарей известной и богатой фирмы (радость была не долгой) его «попросили»... Причина, по-моему, всё та же: несговорчивость, неуживчивость...

Как мне горько оттого, что в Пензе почти не осталось настоящей журналистики. О публицистике я уж молчу. Студенты университета на занятиях по журналистике просят назвать имена пензенских публицистов. С трудом выстраиваю скромный ряд из несколько имён: Евгений Шилов, Александр Марынов, Павел Шишкин, Александр Кислов в лучшие свои времена. Кончается публицистика.

Сегодня я даже не представляю, какая газета могла бы вступить за меня или кого-то другого, «если что». Как вступилась газета Яхонтова, когда я боролся против разрушения Пензенского телевидения. Да, пожалуй, ни одна не осмелится, если прикрикнет кто-то из кабинетов власти. Разве что «Пензенская правда» или всё та же «Наша Пенза». А ведь газет сегодня десятки! Вот на телеканалах стали появляться интересные молодые люди, но пока их очень мало... А главное – учить их некому.

Снова вспомнил о Дмитрие Лихачёве, о Сахарове. Как любим мы бить себя в грудь и кричать о величии этих людей... после их смерти. Да и журналистов начинаем ценить слишком поздно. Владислав Листьев, Юрий Щекочихин, Анна Политковская... Кстати, мои стихи на смерть Юрия Щекочихина опубликовал тоже Александр Яхонтов. Как сегодня помочь ему? Эй, кто-нибудь во власти! Неужели умные и талантливые журналисты нам уже не нужны?

На смерть Юрия Щекочихина.

Верстовые столбики кончаются,
Дальше – без билета и преград...
Верящие в жизнь, да не отчаются:
Не всегда безумен маскарад.

Шут найдется! Он, как свет за ставнями!
Побеждая тьму или дурман,
Будет маски жечь, но в этом пламени
Сам сгорит, – ведь горе от ума!

И за что же, братья, это лихо нам:
Что ни свет – до срока обречён.
Чаадаева да Щекочихина
В омуте российском тонет чёлн.

А не тонет, значит, разбивается:

Слава богу, крепок «волнорез».
Юра, Юрочка, страна спивается...
Ну, а я не буду. Наотрез!

Помяну не водкой, что уж мучиться,
Горькой правдой лучше помяну.
Ну, а слабой песенка получится, –
С новой силой натяну струну.

День.

Заходил Сергей Корниенко – талантливый писатель и очень интересный человек. Мы его повесть печатали в «Суре».

К счастью, каждый день в редакцию приходят интересные люди, приносят свои стихи, рассказы, повести, романы... «Сура», действительно стала центром литературной жизни Пензы. А Валерий Сухов – поэт и ученый налаживает по моей просьбе связи с литературными журналами региона.

Сегодня получил непередаваемое удовольствие: репетировал свою песню с ансамблем солистов «Старгород». Завтра исполним её на заключительном концерте «Старгород-фестиваля» на сцене областной филармонии. Не играл с оркестром сто лет! В студенческие годы сам руководил отличным коллективом. В 1974 году мой ансамбль «Полосы» занял первое место среди коллективов Педагогических ВУЗов СССР! А это не шутки! На Черном море, в Николаеве всё это происходило. Кстати, именно тогда в Одессе, где мы были проездом, и посетил «Гамбринус».

А «Старгород» - это сказка. Коллектив Михаила Кокорина, безусловно, самый яркий сегодня в Пензе.

Вечер.

Только что вернулся с 10-летнего юбилея рекламного агентства «Сталкер», где впервые исполнил песню со «Старгородом». Получилось!

Ну, а «Сталкер», которым руководит Валерий Волков, тоже впереди многих. Я рад, что сотрудничаю и дружу с талантливыми людьми.

9 декабря. Суббота.

Днём, как всегда, тусовались в Клубе «Поющие поэты». А потом все дружно проводили меня до филармонии.

С успехом спел со «Старгородом» на заключительном концерте музыкального фестиваля. Вчерашняя репетиция не прошла даром. Это было главное событие дня! Подбежал Сережа Пономарев и предложил записать интервью для ТРК «Пенза». Мне странно сегодня давать интервью, много лет я их брал, а теперь – даю! О, стихи получились!

Виделся и с Ней. Мне кажется, она стала понимать, что я мучаюсь. И тоже не знает, как себя вести. Но я молчу, как рыба! Как будто ничего не происходит. Сколько это продлится, не знаю. Вечером прислала мне sms-сообщение: радостную физиономию с подписью «чаще улыбайтесь». Буду улыбаться!

Передали, что сегодня на Солнце колоссальная вспышка, а на планете Земля сильнейшая магнитная буря. Я это хорошо чувствую, голова разламывается. Но улыбаюсь!

Писать больше не хочется, разве что отвечу на почту. И всё.

11 декабря.

Всё наладилось. Переписывались, как всегда: и по делу, и с юмором. Я просто излишне возбужден и мнителен. Это старые мои «болячки». Мне всегда кажется, что кому-то кажется... Но есть домыслы, а есть факты. А факты таковы: тайна моя не раскрыта, мы поддерживаем ровные отношения, и это самое лучшее, что может быть. Как интересно, чёрт возьми, иметь тайну! Как это романтично... в 53 года!

А в университете у меня (у моих студентов, конечно) началась зачетная сессия. Целый ряд студентов, с которыми общался на занятиях, от зачета освободил. Оценили. Сказали, что по совести. Во втором семестре буду читать «Тележурналистику». Вот это уж моё!

Кстати, студенты как будто «оттаяли». Стали более свободно общаться, лучше разговаривать, интереснее мыслить. Мы подружимся, тем более что я всегда говорю им о том, что не мне нужна учеба, а им. Хотите – учитесь, хотите – женитесь. Оценивают, не любят, когда на них давят, и занимаются при такой постановке вопроса даже лучше!

Пришла такая шальная мысль: увлечь студентов интернет-поэзией. Ведь Интернет им интересен! А если к нему «подстегнуть» поэзию? И писать об электронной почте примерно так:

В строке «входящие» - ноль,
Холодно. Голодно. Я – нищий.
Появляется единичка – я король!
Теплеет, и есть для ума пища...

Может быть, это их увлечет и погрузит в мир ритма и рифмы? Надо бы проверить! Впрочем, песни о любви привлекают молодежь во все времена.

Приходи, подарю тебе дождь.
Приходи, до рассвета не жди.
Приходи: я же знаю – придешь!
Ты придешь, будто в мае дожди.

И тогда под потоками струй
Танцевать будем мы до утра.
Приходи! Приходи и танцуй!
Стань сестрой неумным ветрам.

Не смотри, что под вечер жара.
Не горюй, что под утро мороз...

Приходи, нам промокнуть пора
Под дождем, а не в озере слез.

Сухость слов навсегда позабыть.
Сухость губ отменить навсегда.
Приходи и скажи «может быть»,
Приходи и промолви «пора».

Приходи, я уйму твою дрожь.
Приходи, мою гордость сожги!
Приходи, я же знаю – придешь!
Ты придешь, будто в мае дожди...

12 декабря.

Сегодня день рождения моей дочери. Да, мы «декабристы». Но она – Стрелец, а не Козерог. А то был бы перебор! Теперь она замужняя женщина и живет в Ростове-на-Дону. Там тепло. Там море рядом. Там у нее есть муж. Трудно. Мне трудно: была двадцать два года рядом и вдруг... Слава богу, живут хорошо.

Порой у меня возникают сомнения, такие мысли: а не влюблен ли я в молодую женщину потому, что мне некуда деть свою нежность, свое восхищение юностью? Ведь мне больше хочется не обладать, а заботиться о ней. Может быть. Не знаю... Скорее всего, однозначного ответа нет и быть не может: в жизни всё так переплетено, так запутано. Так много зависит не от сознания, а от подсознания. Перечитывал Стефана Цвейга (Фрейда) и еще раз удивился тому, что ничегошеньки то мы о самих себе не знаем! Да, есть догадки, прозрения, даже стройные теории... Но кто скажет, что все это верно? Никто!

Вот так и мучаемся с этой «уздечкой культуры» на шее! Впрочем, без неё было бы ещё хуже! Особенно заметно это сегодня, когда многие стали весьма резво от этой сдерживающей силы цивилизации освобождаться. Нет, уздечка, узда даже человеку нужна больше, чем животному!

Вот такие горькие мысли лезут сегодня в мою разбухшую к вечеру голову. Заболеваю что ли?

Впрочем, главное я сегодня сделал: поздравил дочь, подбросил денег (уж, сколько мог), порадовался за ее молодую, маленькую еще, но дружную семью. Дай бог, чтобы любовь их была светлой и долгой.

13 декабря.

Нина Ивановна - секретарь Министерства культуры соединила с Кириллом Владимировичем Застрожным: сегодня в 18.20 – прямая линия на Радио России. Тема – Первый Форум творческой интеллигенции Поволжья, где мы с Застрожным в конце ноября представляли Пензу. Спыхватились!

Вела передачу довольно умная и энергичная Дина Черёмушкина. Перед эфиром поговорили о радио и ТВ в целом. Беда: как мало осталось

образованных и интеллигентных людей в СМИ, сами сотрудники это хорошо понимают.

Кстати, об интеллигенции, её роли, её деятельности и шёл, в основном, разговор. Вопрос далеко не праздный, кого сегодня называть интеллигентом? Раньше было проще: работника умственного труда. Хотя, почему интеллигентным человеком не мог быть рабочий? Мог и был.

Сегодня, безусловно, важна нравственная составляющая. Тот, кто считает своим нравственным долгом принимать участие в решении наболевших проблем и в сфере культуры, и в сфере политики и экономики, – вот тот интеллигент! А Дмитрий Сергеевич Лихачёв интеллигентным человеком считал человека совестливого и памятливого!

Сидел и думал, могу ли я назвать себя интеллигентным человеком? Пусть люди скажут. Страшно другое: быть интеллигентным сегодня не престижно, не комфортно, не выгодно. Владимир Соловьёв в Нижнем так и сказал, мол, хватит кликушествовать, громкие слова говорить, лоб морщить. Дайте интеллигентному человеку, творцу духовных ценностей достойную зарплату для начала! Не дают! Не ценится труд писателя и поэта, музейного и клубного работника, художника и музыканта. Вообще, работника культуры. Вот по этому поводу экспромт:

Поэты? Я знаю поэтов,
У нас не обласкан поэт.
Разуты они и раздеты,
И сорваны с них эполеты,
И выдан им волчий билет!
Помилуйте, совесть народа?
Ну, что же, пожалуй, и так!
И равенство им, и свобода,
Хвала человечьего рода...
Зачем же сорочка и фрак?!

Разговор на передаче получился интересным. Даже звонки были, вопросы. Отметил для себя: в провинции радио становится интереснее телевидения! На радио можно больше и свободнее говорить, размышлять, импровизировать! Стиль радио более демократичен и задушевен, я бы сказал.

Кроме того, после эфира увиделся с Сергеем Пономарёвым, Александром Зубковым, Павлом Ерёменко. С Пашей мы в один день были приняты на работу в Комитет по телевидению и радиовещанию. Это он запомнил число: 27 сентября 1976 года. Господи, ровно 30 лет назад!

И опять я вспомнил, что разница в возрасте, которой я раньше не замечал, уже имеет значение! Я уже 30 лет в профессии, а Она столько ещё и не прожила! Ужас! Стал ощущать, что времени остается всё меньше и меньше. Жить с этим грузом тяжело. Когда же кончится эта моя личная «эпоха перемен»? Надеюсь, что уже скоро.

16 декабря.

Только ленивый не говорит в эти дни о природной аномалии: на дворе середина декабря, а зимы нет! Плюс 6 в Пензе! И только я молчу и тайно радуюсь, потому что моя прекрасная осень 2006 года не кончается! Сказка! Одно плохо – нет солнца, хотя сегодня оно как раз и выглянуло на пару часов. Без солнца чувствую себя отвратительно. Но есть другое солнце – Любовь! Пишу с заглавной буквы, потому что мне всё больше кажется, что дело не в увлечении конкретным человеком, а в том, что изменяется моё мироощущение. Кажется, я оправился от удара в личной жизни и от удара в жизни публичной, общественной (уход с ТВ). Не думал, что это займёт так много времени. Ни один год прошёл! Я занялся новым, очень увлекательным делом. Я вновь полюбил Жизнь! Мне вновь всё интересно! Мне хочется работать, дружить, любить, совершать ошибки (не боясь их совершать), планировать, спорить, наслаждаться жизнью!

Да, думаю в этом дело! Наступает новый цикл, новый этап жизни, и я это хорошо чувствую. Здорово! Пусть этот переходный период достаточно болезненный, надо перетерпеть, зато потом... А что будет потом?

18-20 декабря.

Нет сил писать каждый день. Чувствую себя плохо. Я почти всегда болею или как минимум хандрю в это время года, ибо так устроен мой организм. Впрочем, не только мой. Мало кто знает, что день рожденья знаменует собой окончание старого и начало нового индивидуального годового цикла, поэтому незадолго до него в значительной степени снижена жизненная сила организма, израсходованы все резервы и ослаблены функции практически всех органов и систем. Аура теряет свою плотность и становится довольно рыхлой структурой. Отсюда и сонливость, и неуверенность, и меланхолия, и болезненная впечатлительность.

Начитался! Думаешь, это самовнушение? Да, нет же! И раньше было так, пока я не узнал, в чём дело. А когда узнал обо всём этом, стал готовиться к худшему, и лучше противостоять болезни.

Думаю, и эти загадочные 54 года, этот рубеж – нечто подобное. Своеобразная болезнь. Только болеет душа. Переболеет, и всё наладится. Ведь всё проходит, пройдет и это! И будет новое рождение. Возрождение! Ренессанс!

А моя нынешняя влюблённость, что будет с ней?

Физики (а не мистики) утверждают, что всё на свете имеет волновую природу: звук, свет, мысль. Философы добавляют: жизнь человека и жизнь цивилизации тоже! Значит (если представить себе картинку с синусоидой) есть пики, взлёты и есть разряженность волны, провалы... А что, всё довольно стройно. Мне эта теория нравится. Ведь по ней – всегда неизбежна новая волна, новый подъём!

Всё-таки, поэзия – это тоже болезнь! Наверное, даже всё творчество – тяжёлая, но прекрасная болезнь. Но поэзия – в большей степени...

Парадокс: через три дня болезни начинаю активно писать. Первые три дня – тяжело. А как только начинает намечаться выздоровление... Только во время болезни ещё больше погружаюсь в свой любовный сон.

Мне трудно справиться с собой,
Мне трудно справиться с тобой,
Со всеми, кто не слышит,
Как лихо в струйке голубой
Жесть водостока, как гобой,
Поёт под крышей.

Понять, простить, за боль не мстить,
И чашу эту не допить,
Мне данную судьбою.
Амброзия в ней или яд,
Или целебный взгляд Няяд –
С ее водою?

Пусть светлым будет этот душ,
Купающий остатки душ
Еще влюблённых.
Пусть станет понятным гобой,
В струе поющий голубой
Уединённо.

Пойму, прощу, и укрощу
Свои желанья. Упрощу
Сей страсти уравнение.
Намечу новых правил свод...
Вот только изменить ли вод
И душ влечение?

Но когда болею и сил не много, пишу «поэтические этюды». Небольшие стихотворные наблюдения. Чтобы не терять форму, когда хорошо пишется. Это особое время, которое надо использовать «на полную катушку». Как будто канал открывается, через который идёт интенсивное общение... Кто говорит, с богом, кто – с космосом. Мне так не кажется. Думаю, что есть процесс накопления и процесс реализации мыслей и чувств. Этой осенью я реализовался весьма активно. И не мудрено – три года писал очень мало, больше молчал. Я много-то никогда не писал. А когда принял журнал, решил, что надо освоить новое дело. «Первым делом, первым делом самолёты, ну, а девушки...» Но вот, видно, дошла очередь и до них... до стихов!

Кроме того, эти поэтические упражнения очень важны с точки зрения работы над языком. Ведь, «краткость – сестра таланта». Правда, своих

студентов я весело продолжением поговорки: «...но мачеха гонорара!» Понимающе кивают головами. Почти все уже работают и знают, как копеечка достается. Это не плохо!

Ну, вот и пара моих наблюдений-зарисовок.

Нет ничего печальней юбилея,
Где килограммы сладкого ел
На вас прольются, - к вечеру б отмываться...
Завидовать приходится лишь птицам –
Их век не долог, не воспет поэтом,
Но главное, конечно же, не в этом:
Ах, как бы петь до смерти научиться!

Бежать по кругу – наш удел:
Земля бежит по кругу,
Мы тонем в круговерти дел,
В кольце забот упругом.
И разорвать бы этот круг...
Да нет пути иного!
Рискнешь – и понимаешь вдруг:
Круг нарезаешь новый.

Хандра совсем одолела. Сплин, как говорили во времена Пушкина. Правда, чувствую себя уже несколько лучше. Все звонят, интересуются здоровьем. Приятно! Советуют, что принимать внутрь, чем растираться снаружи... Эх, лет десять назад принял бы на грудь стаканчик горячего кагора... Но уже 10 лет я не пью ничего, кроме безалкогольного пива. Вот вкус пива мне нравится до сих пор. Почему я об этом? Значит, выздоравливаю. И вновь начинаю думать о женщинах! О любви! О песнях, в которых есть всё это! О Ней!

Когда я написал песню «Я двух женщин люблю», которая кончается вполне определённо: «ведь одна – это Жизнь, торопливый мой вздох, а другая – мой выдох, и Смерть», всё равно меня продолжали спрашивать, как зовут этих двух женщин по имени-отчеству, кто они, где работают, какова их судьба? Любопытство не победишь!

Вот и тот, кто прочтёт мой дневник, может быть, тоже будет мучиться: кто Она? Как же всё-таки зовут Её, нынешнюю музу поэта? Конечно, у Неё есть имя, но для влюблённого поэта Она во все времена – Эвридика; может быть, Лаура; но скорее всего, Галатее; или по-русски – Мечта... У поэта нет и не может быть другой женщины. Вернее, другие ему не интересны! Просто всякий раз черты своей Музы он вдруг обнаруживает в образе человека, ставшего ему близким... И влюбляется в них снова и снова...

А между тем, наконец-то, началась настоящая зима!

Такой оглушительно-тихий и густой снегопад сегодня, что я не вполне чётко вижу её глаза. Не слышу слов. Не понимаю, что происходит. Лишь мягкая улыбка, как бы плавающая снежное пространство вокруг рта, как всегда, подсказывает мне, что взгляд мой не ошибся. Это Она! Или все-таки, нет?

На перроне мы стоим,
Нету сил проститься.
Видно, надо нам двоим
В осень возвратиться.
Я на Север, ты на Юг –
Встречные составы.
Лишь роднят гудки их вдруг
Из одной октавы.

На перроне снегопад,
Я его целую.
Отвечаю невпопад,
Вру напропалую.
Мол, приеду в Рождество,
До весны пробуду...
Снег – такое волшебство:
Верят мне и чуду!

На перроне – не в пути,
Проводник не нужен.
Ты за то меня прости,
Что на сердце стужа.
Стынут праздные слова,
Гибнут в снежной пыли.
Сказаны – и трын-трава,
Были – позабыли.

На перроне суета,
А в вагоне скука.
Мне нужна плацкарта та,
Чтоб «прощай разлука».
Чтоб вернуться к Рождеству,
Да влюбиться в Ладу.
Верить снегу-божеству,
Целовать взаправду.

Это, конечно, песенка получилась, песенка...

Под вечер всё-таки ещё плохо. Но, думаю, к моему дню рождения болезнь уйдёт, и я буду в порядке.

Да и потом, пора заканчивать этот дневник. Странно, но я устал от него больше, чем от болезни. Впрочем, как выяснилось, это одно и то же!

Одно мне стало совершенно ясно: мне интересно с молодыми людьми и для них стоит по-настоящему жить и работать. Любить молодых легко и приятно, но надо успеть многое отдать им. Да так, чтобы поняли, что им это нужно! Вот это сложно. Надо стараться понимать их, не похожих на нас, других. Надо быть лояльнее, мудрее, объективнее, терпимее. И, как это ни странно звучит, надо многому научиться у них. Они более раскованы, независимы, свободны. Они непосредственнее нас, легче что ли... А ума-разума наберутся!

Впрочем, студентка-умница, интересующаяся моим творчеством, настолько умна и талантлива для своих 19 лет, что диву даёшься!

Одним словом, мое увлечение, которое перестает быть болезненным и переходит в фазу философского осмысления (всё проходит!), многому меня научило. Боль затихает, остается свет и тепло человеческих отношений. Мне бы очень хотелось, чтобы и Она узнала эти мои новые мысли и чувства. Но, как и раньше, я ничего Ей не скажу, конечно... Многие знания – многие печали. Этот груз я по-прежнему буду нести один.

22 декабря.

Вышел шестой, последний в этом году номер «Суры». Я счастлив! Уже три года журнал выходит уверенно и стабильно. Редакционную статью посвятил предстоящему году чтения. Моя команда и дальше будет работать в этом плане: учить читать, просвещать, открывать новые имена!

На 27 декабря назначил презентацию, которая пройдет в Зелёном зале Пензенской картинной галереи. Валерий Сазонов, мой старый приятель, всегда любезно предоставляет нам эту возможность. Очень люблю этот зал – самый красивый в Пензе. Потому и провожу литературно-музыкальные вечера «В русле «Суры» именно в нём. На празднике всё должно быть красиво!

Будут и сюрпризы: кроме стихов прозвучит и балалайка Елены Яковлевой (ведь она окончила не только Литературный институт, но и консерваторию!), и песни наших поющих поэтов Лены Чебапиной, Владимира Юракова, Юлии Барановой. Собираемся спеть и гимн Клуба «Поющие поэты»!

Чувствую, что сердце моё успокаивается, тревога уходит, а голова как будто наполняется каким-то ранее неведомым мне знанием. Странное, новое чувство, которое очень удивляет, но не пугает меня.

Я помню, что завтра должен буду закончить мой дневник.

23 декабря.

Ну, вот и всё! Прошёл ровно месяц с тех пор, как я начал вести этот небольшой дневник. Завтра, в свой день рождения, я, наверное, подумаю о том, что, по сути, прошла большая часть жизни, которую я любил и люблю за

радости и печали, победы и падения, встречи со счастьем и ожидание его. Завтра мне исполнится 54 года, и согласно Книге судеб я вступлю в новый этап моей жизни с невероятно красивым, но немного грустным названием «Удивительный зимний закат солнца».

На самом деле, я не знаю, что будет завтра. И никто не знает. И именно в этом очарование нашей жизни. И только в этом! А как же Книга судеб, которой ты все-таки веришь? А Книга судеб для того и существует, чтобы мы не забывали о том, что нас ВСЕГДА ЖДЁТ ЗАВТРА. Только и всего! Вот так просто. И радостно на свете жить только тому, кто в это верит!

Поэтому и во время удивительного заката, и после того, как солнце завалится за горизонт, я буду надеяться на МОЁ ЗАВТРА. На завтрашние дела, завтрашние песни, завтрашнюю любовь. Завтрашнюю, новую встречу с Ней.

Даже картина, на которой нить моей жизни безвозвратно ускользает из рук третьей Парки (не торопись, Морта, – ведь Нона и Децима тянули её столько лет) уже не пугает меня. Я знаю, что БУДЕТ ЗАВТРА. И верю, что оно будет гораздо счастливее нашего сегодня, в котором поэт и его Муза никогда не смогут быть рядом.

Вот умру, и буду жить с тобой,
Стану лёгкой лодкою без вёсел.
Пусть владеет мной и злой прибой,
И неспешность вод привольных вёсен.

Ты – река. Ты – вечность. Ты есть жизнь.
Разреши склониться и напиться.
Не позволишь, скажешь мне: «лежи
У воды на берегу», – зарницы

Стану в тихой гавани встречать,
Ждать смиренно твоего прилива.
На моём борту любви печать
К речке, что течёт неторопливо.

Почему когда-то, не теперь?
Омуты, пороги, водопады...
Слишком много горя и потерь,
Слишком мало света той лампы

Что не только теплится, даёт
Свет нездешний и огонь нетленный...
Вот умру, и неземной полет
Увлечет меня в моря Вселенной.

Там лишь буду счастлив я с тобой,

Там, где стану лодкою без вёсел.
А наскучит – дымкой голубой,
Следом зыбким на широком плёсе...

Но покуда Запад и Восток,
Жизнь и Смерть влекут и рвут на части.
Счастлив тот, кто уберечься смог
От такого призрачного счастья.

Вот умру, и буду жить с тобой,
Стану лёгкой лодкою без вёсел...

24 декабря. Воскресенье. Канун Рождества.

В этом году мой день рождения пришёлся на воскресенье, и почти все для начала (по-настоящему посидим на неделе) поздравляли меня по телефону. Десятки звонков! Приятно! Прислала поздравление и Она... Впрочем, ещё вчера вручила мне красивую коробку и попросила открыть ее в день рождения. Подарком оказался красивый подсвечник и свечи: «Пусть мягок воск свечи любой, тверды желанья и надежды...» Как хорошо Она знает мои песенки...

Но самый дорогой Рождественский подарок приготовила мне моя дочь Ольга. Сегодня она сообщила нам, что ждёт ребёнка! Вот оно – Рождественское чудо, долгожданная и удивительная Рождественская сказка! Не зря я ждал столько лет именно этого дня! И, действительно, жизнь круто изменилась в день моего 54-летия!

Стоит ли говорить о том, что слёзы счастья увлажнили мои глаза, а все радости и печали последнего месяца показались не такими уж и значительными...

Вяжи узелок, Парка! Пряди нить новой жизни!

